

Яковлев Максим Владимирович

кандидат политических наук,
докторант кафедры философии политики и права
философского факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
АНАЛИЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ВНЕШНИХ АКТОРОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ КИРГИЗИИ,
МОЛДАВИИ И УКРАИНЫ)**

Аннотация:

В статье анализируются теоретико-методологические основания процессов демократизации под контролем американских и европейских политических технологов в Киргизии, Молдавии и на Украине. Делается вывод о том, что полноценной реализации демократического потенциала в этих странах препятствуют ориентация на построение западной либерально-демократической модели и игнорирование местных факторов, политико-культурных особенностей и специфики политической истории.

Ключевые слова:

демократия, демократизация, доктрины демократии, зависимость, направляемая демократия, политический режим, политический транзит, Россия, страны СНГ, теоретические и методологические основания демократизации.

Yakovlev Maxim Vladimirovich

PhD in Political Science,
Doctoral student,
Philosophy of Politics and Law Department,
Lomonosov Moscow State University

**THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL
FRAMEWORK OF THE ANALYSIS OF
DEMOCRATIZATION IN THE CONTEXT
OF DEPENDENCE ON EXTERNAL
ACTORS (CASE STUDY OF KIRGIZIA,
MOLDAVIA AND UKRAINE)**

Summary:

The article studies theoretical and methodological framework of democratization processes under the control of American and European political technologists in Kyrgyzstan, Moldova and Ukraine. It is concluded that the effective implementation of the democratic potential in these countries is hindered by the focus on the building of the Western liberal democratic model and ignoring of the local factors, specific features of culture and political history.

Keywords:

democracy, democratization, democratic doctrines, dependence, guided democracy, political regime, political transit, Russia, CIS countries, theoretical and methodological framework of democratization.

Системные и режимные трансформации, в последнее время осуществленные в ответ на требования общественных групп в таких государствах, как Киргизия, Молдавия и Украина, вновь актуализировали обсуждение проблем демократизации на пространстве СНГ. С одной стороны, произошедшие изменения можно оптимистично охарактеризовать как продолжение истории демократических преобразований (по крайней мере, формально). С другой стороны, приходится признать, что эти перемены вряд ли являются актами подлинного демократического развития киргизского, молдавского, украинского обществ, скорее, они представляют собой действия по укреплению геополитического влияния Вашингтона и Брюсселя (что особенно заметно на Украине). Объяснение этой двусмысленной ситуации, а также ответ на вопрос о том, что мешает эффективному осуществлению реально существующего демократического потенциала, можно сформулировать в ходе анализа теоретико-методологических оснований процессов демократизации в указанных странах.

В целом с начала 1990-х гг. теоретической основой демократической модели для трех рассматриваемых государств стала доктрина либеральной демократии в интерпретации, восходящей к идеям конкурентного элитизма М. Вебера, Й. Шумпетера и др. Методология демократического перехода во всех трех случаях базируется на взглядах Д. Растоу, Р. Миллера, Э. Мюллера и др., выделяющих роль демократических институтов, а также делающих акцент на создании гражданского общества. Вкратце эти взгляды можно суммировать в виде следующего тезиса: построение эффективно функционирующих институтов демократии влечет за собой увеличение числа гражданских активистов и их сплочение в целях защиты и реализации своих политических и гражданских свобод.

Для выполнения задач этого общего теоретического предписания сформулированы модели и стратегии, которые объединило положение о создании сети некоммерческих неправительственных организаций (НПО), нацеленных на утверждение и распространение либерально-

демократических ценностей среди населения, формирование гражданской культуры, а также на контроль над деятельностью правительства (путем оппонирования или поддержки демократических инициатив). При этом ведущая роль в демократизации рассматриваемых стран была отведена политическим консультантам из Вашингтона и частично Брюсселя, которые имели собственные цели. Как отмечал С. Хантингтон, «действия этих внешних институтов», их «влияние» сыграли крайне важную роль в «третьей волне» демократизации [1, с. 99].

В Республике Молдавии модель либеральной демократии под контролем внешних акторов удалось реализовать, видимо, с наибольшим успехом, несмотря на ряд весьма неблагоприятных экономических (низкие доходы, аграрная экономика), социальных (разделенное общество) и политических факторов (атомизированность партий). Наиболее полно и последовательно теоретическая модель демократических преобразований Молдавии осмысливается в статьях П. Варзаря на основании анализа трех приоритетных критериев для оценки демократического транзита: развития национальной политической элиты, рационального компромисса, консенсуса между политическими деятелями в управлении. Автор считает, что особенностью молдавского случая стала «реконструкция политико-административных и экономических институтов государства для их адаптации к новой системе государственной власти» [2, с. 74].

Модель П. Варзаря стоит дополнить двумя обстоятельствами. Во-первых, Молдавия попала в сферу сильного финансово-экономического и политического влияния Европейского союза и США, при этом сохраняя частичную зависимость и от России по некоторым вопросам (например, по проблеме Приднестровья). Поэтому оформившиеся политические группы с самого начала были вынуждены не просто выполнять обязательства перед западными спонсорами, но и поддерживать диалог между собой для согласования интересов и координации действий в отношениях с Россией, что стало важным фактором реальной демократизации. Во-вторых, вследствие установившегося межгруппового взаимодействия демократического типа в Молдавии возникли действительно работающие политические партии, которые заняли центральное место в процессе демократизации.

Однако, несмотря на эти важные достижения, демократический процесс в Молдавии сталкивается со значительными трудностями, которые в большинстве случаев обусловлены факторами политической истории и культуры, неучтенными с самого начала теми, кто формулировал и инициировал программу демократизации. Например, молдавские НПО, несмотря на надежды западных политических технологов, так и не стали значимыми политическими субъектами. Причина этого заключается в отношении общества к подобным организациям. Так, согласно исследованиям, 40,0 % активистов НПО в качестве цели своей деятельности называют реализацию собственных профессиональных и других амбиций; 30,0 % респондентов – возможность зарубежных поездок; 21,1 % проявили заинтересованность в личной карьере [3, с. 15].

Ясно, что большинство активистов НПО не были заинтересованы в построении и укреплении демократии (то есть в решении той задачи, которую перед ними поставили), напротив, они восприняли НПО как инструмент для обеспечения собственного благополучия. Причина такой недемократической ориентации может корениться или в политической культуре постсоветских стран, которая деформирована трагическими событиями диссоциации СССР и сочетает противоречивые элементы (советские и западные), или в отсутствии доверия к самому институту НПО, в своих целях навязанному экспертами из Брюсселя. Кроме того, возможно предположить и отсутствие у активистов понимания значения и перспектив НПО для демократизации молдавского народа. Можно сделать вывод, что игнорирование особенностей местной политической культуры и абсолютная ставка на стремительное и безоговорочное внедрение нормативно-конкурентно-элитистской модели демократии и западных институтов стали препятствием для эффективной демократизации в РМ.

Схожая картина наблюдается и в Киргизской Республике, также находящейся в зависимости от внешних акторов (в основном Вашингтона и Москвы). Анализируя демократизацию в этом государстве, Б. Бешимов указывает: «Резкий и неподготовленный рывок Кыргызстана в сторону демократии и свободы не оправдал надежд, и теперь страна возвращается в более естественное состояние, которое отвечает ее историческому пути, культуре и менталитету народа» [4, с. 5]. В свою очередь Т. Ибраимов предлагает ввести термин «азаттык» (кирг. – «свобода»), в котором будут не только совокупно выражены (западные) либеральные ценности, но и который может обозначать либеральную демократию с кыргызстанской спецификой [5]. Таким образом, киргизские исследователи сходятся во мнении о необходимости наиболее адекватного соотнесения теории и методологии демократизации с историей и культурой народов Киргизии.

Несколько иная ситуация сложилась на Украине, которая в последнее время следует в политическом фарватере Вашингтона и встала на путь конфронтации с Москвой. По мнению

А.А. Фисуна, для анализа украинской модели необходимо использовать термин «неопатримониализм», где фиксируются главные особенности политического развития территории, некогда именовавшейся Малороссией. Таковых насчитывается три. Во-первых, государственная власть безраздельно концентрируется в руках правящей группы и становится ее частным владением. Во-вторых, в экономике утверждается схема «политического капитализма», при которой административный ресурс конвертируется в финансовый капитал и материально-техническую базу. В-третьих, в политической системе и связанной с ней экономике устанавливаются патрон-клиентные отношения [6, с. 153–155].

На основе изложенного можно сделать вывод, что эффективной реализации демократического потенциала в Киргизии, Молдавии и на Украине препятствуют сами теоретико-методологические основания демократизации, а именно: абсолютная ориентация на построение западной либерально-демократической модели и игнорирование местных факторов (разделенного общества, низких доходов, слабой экономики), политико-культурных особенностей (религии, традиционализма) и специфики политической истории (советского прошлого, давней и тесной связи с Россией).

Ссылки:

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М., 2003. 368 с.
2. Varzari P. *Elita politica din Republica Moldova: realitati si perspective*. Chisinau, 2008. 135 p.
3. Для чего и как создаются общественные объединения / под ред. И. Тромбицкого. Кишинев, 2001. 143 с.
4. Бешимов Б. Кыргызстан: Стоит ли демократия на повестке дня страны? // Демократия и неформальная политика в Кыргызстане : сб. статей. Бишкек, 2007.
5. Ибраимов Т. Почему в Кыргызстане есть демократия, но нет свободы? [Электронный ресурс]. URL: http://kgcode.aki-press.org/unews/un_post:2328 (дата обращения: 22.08.2016).
6. Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006. 352 с.

References:

- Beshimov, B 2007, 'Kyrgyzstan: whether democracy is on the agenda of the country of the day?', *Demokratiya i neformal'naya politika v Kyrgyzstane: sb. statey*, Bishkek, (in Russian).
- Fisun, AA 2006, *Democracy, neopatrimonialism and global transformation*, Kharkiv, 352 p., (in Russian).
- Huntington, S 2003, *Third Wave. Democratization in the late XX century*, Moscow, 368 p., (in Russian).
- Ibraimov, T 2016, *Why is democracy in Kyrgyzstan, but there is no freedom?*, viewed 22 August 2016, <http://kgcode.aki-press.org/unews/un_post:2328>, (in Russian).
- Trombitsky, I 2001, *Why and how are associations*, Chisinau, 143 c., (in Russian).
- Varzari, P 2008, *Elita politica din Republica Moldova: realitati si perspective*, Chisinau, 135 p.